

Монгольская тема в творчестве Михаила Хонинова The Mongolian Theme in Mikhail Khoninov's Works

Р. М. Ханинова (R. Khaninova)¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000 Россия, Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: khaninova@bk.ru

Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: khaninova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается монгольская тема в творчестве калмыцкого писателя Михаила Хонинова. Автобиографический аспект в лирике поэта обусловлен армейской службой в Забайкальском военном округе на границе с Монголией в 1939–1941 гг., воспоминаниями о том периоде. Его стихи конца 1930-х, 1960-х, 1970-х гг. передают темы дружбы двух стран и народов, военной и братской помощи Советского Союза Монголии в истории революции, войн, строительства социализма, освоения космоса. Прошлое, настоящее и будущее объединяют сюжеты монгольской темы в лирике М. Хонинова. Взаимные переводы калмыцких и монгольских поэтов демонстрируют литературные связи родственных культур.

Ключевые слова: монгольская тема, Михаил Хонинов, автобиографический аспект, стихотворения, переводы

Abstract. The article deals with the Mongolian theme in works of the Kalmyk writer Mikhail Khoninov. The autobiographical aspect in the poet's lyrics was determined by his army service in the Transbaikalia Military District on the Soviet-Mongolian border in 1939-1941, and memories of that period. His poems of the late 1930s, 1960s and 1970s convey the themes of friendship between the two countries and peoples, military and fraternal assistance of the Soviet Union to Mongolia in the history of the Revolution, wars, Socialist construction, and space exploration endeavors. The past, present and future unite the plots of the Mongolian theme in M. Khoninov's lyrics. Mutual translations of Kalmyk and Mongolian poets demonstrate literary ties between the kindred cultures.

Keywords: Mongolian theme, Mikhail Khoninov, autobiographical aspect, poems, translations

Как указывает С. Н. Цеденова в статье «О взаимосвязях монгольской и калмыцкой литератур», «Монголия — особая тема в творчестве многих калмыцких писателей. К ним относятся такие классики, как А. Сусеев, А. Тачиев, Д. Кугультинов. С Монголией их связывают не только исторические корни (ойраты откочевали из Западной Монголии в XVII в.), но и особые воспоминания о монгольском периоде их жизни, связанные с военной службой, работой. <...> Немало произведений о Монголии в творчестве Т. Бембеева, Б. Сангаджиевой, М. Нармаева. Все эти произведения носят как патриотический, идеологический характер (победа в войне, дружба народов, братская помощь, становление советской власти, красота степной природы), так и личный, философский (любовь, размышления о смысле жизни)» [Цеденова 2015: 80].

К монгольской теме обращался в своем творчестве и калмыцкий писатель Михаил Ванькаевич Хонинов (1919–1981). С Монголией Хонинов был связан довоенной своей биографией: с 1939 по 1941 гг. он служил в пограничных войсках Забайкальского военного округа, граничащего на южной и юго-восточной границе с Монголией и Китаем [Ханинова 2015].

Еще в 1938 г. молодой поэт написал стихотворение «Ахдан» («Старшему брату») о старшем брате, также служившем на границе и принявшем участие в боях на озере Хасан против японских захватчиков на советской земле [Ханинова 2017а: 136–137; Ханинова 2017б: 109].

Стихи М. Хонинова об армейской службе были опубликованы в калмыцкой печати тех лет: «Орн-нутган харс!» («Защищай родину!») [Хоньна М. 1939а: 2], «Ахта-дүүтэһэн...» («С братьями...») [Хоньна М. 1939б: 2], «Чи тедниг дурá» («Подражай им») [Хоньна М. 1939в: 4], «Иньгүдин дурн» («Любовь подруги») [Хоньна М. 1939г: 43] «Пограничник» [Хоньна М. 1940а: 32], «Мини бичг» («Мое письмо») [Хоньна М. 1940б: 4].

В этих стихах нет прямого упоминания Монголии, монгольских имен и реалий. Но в стихотворении «Ахта-дүүтэһэн...» («С братьями...») есть мотив помощи братьям-монголам в борьбе против японских агрессоров на реке Халхин-Гол весной–осенью 1939 г.: «Тиигж ах Жижэчн / Тендэһэ самурайциг чавчла, / Тиигж үр Боовачн

/ Теднэ арсиг өвчлэ» [Хоньна М. 1939б: 2]. Здесь уже к семейному имени старшего брата Лиджи (*Жижа*) присоединено имя другого родственника Боовы, тоже служившего в то время в Красной Армии и воевавшего против японских интервентов.

У калмыцкого поэта Анджи Тачиева есть позднее стихотворение «Халхин хол» («Халхин-гол»), где говорится о монгольско-советской дружбе, в то время скрепленной кровью: «Халхин холын эргд / Халун цусн асхрла, / Хойр орна иньглтд / Хээртэ шивэнь болла» [Тачин А. 1970: 41]. В переводе В. Стрелкова: «Но монгольский народ / Не забыл давний год. / Не забыл ни на миг / Подвиг братьев своих! / Помнит каждый монгол / О тебе, Халхин-Гол!» [Тачиев 1976: 25]. Шире эту тему А. Тачиев развил в поэме «Иньгллт» («Дружба»).

Стихотворение Михаила Хонинова «Пограничник» передавало общее восприятие автора от армейской службы: «Сөөднь границин захд / Сальклад теңгр шуурна. / Өдртнь границин / захд / Ивтрж киитн жицннэ. // Халв, шуурһ өрдж / Границ деерэн зогсна. / Төрсн нутган үрнэхэр / Туургсн пограничник манна. // Болх дарук дээнд / Баатр пограничник белн. / Төрсн нутгин дуудлһнд / Түрүлж босх үрн» [Хоньна М. 1940а: 32]. Смысловой перевод: «Несмотря на ветер и холод, огонь и буран, стоит на посту пограничник, охраняет границы родной страны, готов по ее зову первым встать на защиту».

Позднее в романе «Чи медхмч, Смоленскин хазр» («Помнишь, земля Смоленская...») М. Хонинов вспоминал о старшем брате в связи с событиями на реке Халхин-Гол: «Блокнотан секлһнлэнь захдан баахн лейтенантин нег кубиктэ ахнь, дүүһиннь нүднд хамдан суусн болж медгдв. Ода дээлдж йовдх болх — гиж Муутл дотран ухалв.

Ахнь, Хониев Лиж 1937 жил күртл дүүтэхэн хамдан хальмг государственн театрт артист болж көдлж йовла. Халхин-Голын дээнд зөргтэхэр дээлдэд, Монһл нутг япола самурайцнрас харссн болдг. Ода Ленинградск дээчнрин округд, Выборг деер церглжэлэ» [Хоньна М. 1974: 13].

В русском переводе: «Вернувшись в вагон, Хониев достал из планшета блокнот, чтобы по выработавшейся привычке занести туда впечатления дня. На глаза ему попалась вложенная в блокнот фотокарточка старшего брата, Лиджи. Мутул был младше его всего на два года, но Лиджи уже успел понюхать пороха. До 1937 года

он работал в труппе Калмыцкого драматического театра, потом его призвали в армию. Он участвовал в боях на Халхин-Голе, а сейчас в звании младшего лейтенанта проходил службу в Выборге, в Ленинградском военном округе» [Хонинов 1977: 12–13].

Ю. Карасев в своем переводе опустил некоторые детали относительно участия Лиджи в сражениях на монгольской земле («Он участвовал в боях на Халхин-Голе»). Автор же подчеркнул, что старший брат *отважно* сражался в боях на Халхин-Голе, защитив *монгольскую страну* («*Моңһл нутг*») от японских самураев.

К монгольской теме Михаил Хонинов вернулся в начале 1960-х гг. В газете «Хальмг үнн» за 1962 г. было опубликовано его стихотворение «*Моңһл бер*» («Монгольская женщина»). Под другим названием «*Бүрнжирһл*» спустя два года оно вошло в его поэтическую книгу «*Мини домбр күңкнхлэ*» («Когда звенит моя домбра»). Изменение заглавия мотивировано посвящением монгольскому врачу Дашнаминовой Бюрнджиргал — *Моңһл эмч Дашнэмин Бүрнжирһлд*. Это один и тот же текст, отличающийся во втором случае еще увеличением строк (с 32 до 42) и разбивкой на 10 строф.

Судя по содержанию стихотворения, оно написано на основе личного знакомства с монгольской женщиной-врачом (имя ее не названо в первом тексте) и ее сыном Нарнцацом.

«„Москва“ гостиницин хора / Манурсн сарул герлтэ, / Моңһл берин чирэ / Минчхр альмнас өнгтэ. / Чикнднь чичрсн совснь / Чирмжэх одишц гилвкнэ, / Дал хоорнднь эрэгрэд, / Гүрэтэ күкль шавшна. / „Үнэн“ — „Правда“ саржннад / Энүнэ һарт делггдв, / Үнтэ космонавтс мишэлдэд, / Эңкр, талвһр үзгдлдв. / Өөндэн күрсн көвүнь / Өөрнь наадж инэнэ, / Өмнэн бэржэхэд экнь / Өмсэд, илэд бээнэ. / Чи мел оньдин / Чилгр өдрэр йовхмч, / Орс ахан түшэд / Онд күрэд ирхмч...“ / Гагарин, Титов инэлдэд, / Газетин халхас хэлэлднэ. / Нарнцацрта — көвүн / Нартсн өнгэр байсна. / Моңһл эмч берин / Моһлцг чирэнь уургтна. / Бүрнжирһл нернь / Булган аймагт туужта... / Күңкл Ленин Сухэ-Баторт / Күцл кергинь илдклэ, / Арат улс мөрдөн тохж, / Амулц тал зүтклэ...» [Хоньна М. 1962: 4].

Сюжет стихотворения. В номере гостиницы «Москва» красивая монголка читает газету «Правда» с портретами первых советских космонавтов — Юрия Гагарина и Германа Титова. Рядом с матерью

играет ее сын. Целуя его, она говорит ему, что он вслед за русским старшим братом отправится в космос к звездам и вернется на Землю. Мать верит, что эта мечта воплотится, потому что мудрый Ленин указал Сухэ-Батору цель, а монгольские кочевники, оседлав коней, устремились вперед за счастьем-благополучием.

Имена собственные в стихотворении двусоставные. Бюрнджиргал с монгольского означает ‘целая жизнь, счастье’, Нарнцацр — ‘сияние солнца’. В контексте женщина с ребенком обозначают новую жизнь монгольской страны, где возможно путешествие к звездам вслед за русскими космонавтами. В стихотворении монгольский сюжет строится на сопоставлении настоящего с прошлым: от феодальной страны к стране социализма под влиянием Октябрьской революции 1917 г. и ее вождя В. И. Ленина в России. Поэтому в тексте появляется имя Сухэ-Батора (1893–1923), руководителя Монгольской народной революции 1921 г. Это имя также двусоставное: *сүх* означает ‘топор’, *баатар* — ‘богатырь’ (‘богатырь с топором’).

Советские космонавты в стихотворении даны по фамилиям — Гагарин, Титов. Юрий Алексеевич Гагарин (1934–1968) совершил первый в истории человечества космический полет 12 апреля 1961 г., Герман Степанович Титов (1935–2000) — второй космический полет с 6 по 7 августа 1961 г.

Первым монгольским космонавтом стал Жугдэрдэмидийн Гуррагча (род. в 1947 г.), летавший с 22 по 30 марта 1981 г. на космическом корабле «Союз-39» (командир экипажа В. А. Джанибеков) и научно-исследовательском комплексе орбитальной станции «Салют-6» — космического корабля «Союз Т-4», где работал экипаж основной экспедиции в составе командира В. В. Ковалёнка и бортинженера В. П. Савиных. Тогда космонавты были удостоены высших наград двух стран — СССР и МНР.

Автор стихотворения смог сам убедиться, как он пророчески предугадал международные полеты, как воплотилась в жизнь космическая мечта его героини, как стал космонавтом потомок кочевников.

В оригинале поэмы Анджи Тачиева «Иньгллт» (‘Дружба’), посвященной истории русско-монгольских отношений [Тачин А. 1982: 105–115], нет заключительных строк, которые появились в русском

перевод в «Эпилоге» об этом космическом полете: «И вот, / за синий небосвод / Ушли сыны двух стран, / два брата! / Два брата, / будто два плеча, / Которым вместе / все по силе: / Монгол — отважный Гуррагча / И Джанибеков — / сын России! / У всей планеты на виду / Идет космическая служба... / За высотой / высоту / Берет / испытанная дружба!» (пер. В. Стрелкова) [Тачиев 1983: 79–80].

В поэме Аксена Сусеева «Моңһлын магтал» ('Восхваление Монголии', 1984 г.) среди исторических событий, начиная с XVIII в., есть и космический мотив, связанный с первым монгольским космонавтом и его русским собратом: «Энүнэ хөөннь делкэд / Элдв нердүд соңсгдла. / Джанибеков — Гуррагча / Делкэ эргж нислдлэ» [Сусен А. 1984: 56]. Смысловый перевод: «После этого всему миру стали известны лучшие имена. Джанибеков — Гуррагча облетели Землю».

А. Тачиев в своей поэме «Дружба», как и А. Сусеев в «Восхвалении Монголии», «показал героизм и мужество монгольских и советских солдат в сражениях на Халхин-Голе» [Цеденова 2017: 216].

Вернемся ко второму варианту хониновского стихотворения на монгольскую тему, к его дополнениям. Первая строфа в целом соответствуют началу первого текста: «„Москва“ гостинцин хора / Манурсн сенр аһарта, / Моңһл берин чирэ / Минчхр альмнас герлтэ» [Хоньна М. 1964: 52]. В смысловом переводе: «В номере гостиницы „Москва“ чистый воздух, лицо монгольской женщины светлее спелого яблока». Небольшие изменения есть во второй строке: прежнее прилагательное *сарул* 'ясный, светлый' изменено на *сенр* 'чистый, свежий'. Во вторую строфу также внесены некоторые лексические поправки. Сравним: «Чикнднь чичрсн совснь / Чирмжэх одншц гилвкнэ, / Дал хоорнднь эрэтрэд, / Гүрэтэ күклнь шавшна» [Хоньна М. 1962: 4]. В смысловом переводе: «Жемчуга дрожат в ушах, словно звезды блестят, перемигиваясь». Во втором варианте: «Чикнэ ашкнь сувсрад / Чирмжэх одншц гилвкнэ» [Хоньна М. 1964: 52]. В смысловом переводе: «В мочках ушей жемчуга, словно звезды, перемигиваясь, блестят». В первом и втором вариантах дано близкое описание женской косы на спине: «Дал хоорнднь эрэтрэд, / Гүрэтэ күклнь шавшна» [Хоньна М. 1962: 4]; «Далин герлэр эрэтрэд, / Гүрэтэ күклнь шавшна» [Хоньна М. 1964: 52].

Следующая строфа вводит во второй вариант текста дальнейшее описание женской красоты: «Моңһлин уласн уняртж / Мини нүднд үзгдв, / Күрч бишмүдн зеегтрж / Күмнин урнь медгдв...» [Хоньна М. 1964: 52]. Смысловый перевод: «Словно монгольский тополь в мареве показался передо мной, коричневое платье, украшенное орнаментом, явило искусство мастера».

В первом варианте со страниц всесоюзной газеты «Правда» дружелюбно улыбаются космонавты («„Үнэн“ — „Правда“ саржцнад / Энүнэ харт делгдв, / Үнтэ космонавтс мишэлдэд, / Эңкр, талһр үзгдлдв»). Во втором варианте — газета «Правда» развернута женскими руками, прохладный ветер с окна слился с задушевной мыслью героини: «„Үнэн“, „Правда“ саржцнад / Үүнэ харт делгдв, / Терзэр салькн сержцнад / Таалта седкллэ негдв» [Хоньна М. 1964: 53]. Во второй вариант стихотворения вводится мотив двух столиц — Москвы и Улан-Батора, связывая фотографию и гостиницу: «Зеегтэ нүдн секгдэд / Зургт бээхшц көндрхш, / Холин балһсд дүңгэлдэд — Хойр хотл зогсв» [Хоньна М. 1964: 52].

Если в первом варианте в гостиничном московском номере рядом с матерью играет ее годовалый сын, то во втором варианте она видит на стене уже фотографию своего смеющегося сына, держа ее перед собой, целует: «Өөндэн күрсн көвүнэ / Өлгэтэ зургас инэнэ, / Өмнэн бэржэһэд экнь / Үмсэд тэвэд бээнэ» [Хоньна М. 1964: 53].

В первом варианте экфрасис введен в виде артефактов — фотографий двух космонавтов, двух городов, во втором он дополнен фотографией годовалого сына героини. Здесь мать обращается к его портрету, выразив уверенность в том, что сын будет жить в мире, в двадцать лет с помощью русского брата полетит к звездам и вернется: «Чи хөртэдэн, Нарнцацрат, / Чилгр өдрэр йовхмч, / Орс ахан түшэд / Ондн күрэд ирхмч» [Хоньна М. 1964: 53]. Следующие строки почти сходны в двух вариантах. В первом варианте Гагарин и Титов, смеясь, глядят с газетных страниц, Нарнцацр словно светится от радости. Во втором варианте Гагарин и Титов, смеясь, словно приглашают к разговору с газетных страниц, как будто с мальчиком рядом сидят, светятся от радости: «Гагарин, Титов инэлдэд / Газетин халхас күүрцнэ, / Нарнцацрта суулдад / Нар урһаж байсна» [Хоньна М. 1964: 53]. Если в первом варианте дается описание смуглого

лица монгольской женщины-врача, говорится о ее известности в родном краю — Булганском аймаке, то во втором варианте смысловой акцент перенесен на мудрость монгольской женщины-врача, имя которой известно в родном аймаке: «Моңһл эмч берин / Мөңк ухань билгтэ, / Бүрнжирһл нернь / Булган аймагт туужта...» [Хоньна М. 1964: 54]. Эта характеристика актуализирует мечту матери о сыне-космонавте. Автором вводится безэквивалентная монгольская лексика — *аймаг* (административно-территориальное подразделение). Калмыцкое слово *эамг* ('аймак') исторически также означает 'владение, поселение'. Булганский аймак в северной части страны Монголии граничил с СССР (в современной Монголии всего 21 аймак).

Окончание первого варианта произведения обращено к прошлому для сравнения с настоящим и космическим будущим: «Күңкл Ленин Сухэ-Баторт / Күцл кергинь илдкля, / Арат улс мөрдән тохж, / Амулц тал зүткля...» [Хоньна М. 1962: 4]. Смысловой перевод: «Мудрый Ленин указал Сухэ-Батору верную цель, кочевники-скотоводы, оседлав коней, устремились за счастьем».

Окончание второго варианта, с одной стороны, расширено («Бүрнжирһл моңһлд / Бүүр болһнар делдхд», т. е. имя Бюрнджиргал будет известно каждому монгольскому кочевью), с другой — прошедшее время сменяется настоящим временем, констатирующим, что благодаря тому, что мудрый Ленин сказал Сухэ-Батору, какова его цель, кочевники, оседлав коней, достигли счастливой жизни. «Күңкл Ленин Сухэ Баторт / Күцл кеж келснд, — / Арат мөрдән тохсмн / Амулц жирһлүр ирсмн...» [Хоньна М. 1964: 54]. В двух вариантах автором вводится в безэквивалентной лексике монгольское слово «арат», в узком смысле — 'скотовод', в широком — 'трудящиеся, народ'.

Стихотворение структурировано автором анафорой, традиционной для калмыцкой версификации, прежде всего с использованием одинаковых начальных согласных и гласных звуков. Первый вариант отличается в этом плане от второго разнообразием единоначатия: сплошная анафора («Москва»/ Манурсн/ Моңһл/ Минчхр), парная (Чикнднь / Чирмжэх) с нарушением анафоры в двух последующих строках (Дал/ Гүрэтэ), перекрестная («Үнән»/ Энүнэ/ Үнтэ/ Эңкр),

вновь сплошная (Өөндэн/ Өөрнь/ Өмнэн/ Өмсэд), парная (Чи/ Чилгр/ Орс/ Однд), вновь парная (Гагарин/Газетин/ Нарнцацрта/ Нартсн), вновь парная (Моңһл/ Моһлцг/ Бүрнжирһл/ Булган), заключительная парная (Күңкл/ Күцл/ Арат/ Амулн). Во втором варианте превалирует парная анафора. В двух вариантах есть незначительные нарушения анафорического построения: в 7–8 строках (Дал/Гүрэтэ), во втором варианте в 6 строфе (Өөндэн/ Өлгэтэ/ Өмнэн/ Үмсэд). Как известно, художественный прием анафоры характерен и для монгольского стихосложения.

Таким образом, в первом варианте стихотворения поэтом дан обобщенный образ монгольской женщины, мечтающей о том, что ее сын покорит космос вслед за русскими братьями-космонавтами. Во втором варианте образ монгольской женщины конкретизируется в названии стихотворения и в посвящении, тем самым подчеркивается реальность происходящего, вероятность мечты героини, имя которой воплощает счастье. Ее профессия (врач) также сигнализирует об изменениях в жизни бывших кочевников, осваивающих новые специальности. Имя ее сына Нарнцацр ('Сияние солнца'), независимо от того, реальное оно или вымышленное, — «астрономическое»: соответствует космической теме стихотворения. Реальные фамилии первых советских космонавтов подтверждают начало советской эпопеи освоения космоса, а также прогнозируют братскую помощь монголам в составе международных экипажей. Прошлое, настоящее и будущее монгольского народа в этом произведении актуализируют его связь с Россией и СССР.

Спустя десятилетие Михаил Хонинов вернулся к монгольской теме в стихотворении «Кемтршго иньглэн» ('Нерушимая дружба'). Здесь поэт вспоминает свою молодость, пограничную службу. Если в ранних стихотворениях армейского периода 1939–1940 гг. нет прямого монгольского упоминания, то в этом произведении, по нашему мнению, соединены прежние мотивы, в том числе в стихотворениях 1962–1964 гг. («Моңһл бер», «Бүрнжирһл»), и новые.

Новое стихотворение 1971 г. состоит из четырех восьмистрочных строф с обозначением жанра — дун ('песня'). «Би иньглэни межэ деер / буута, моңһл цергчтэ зоглав. / Хол һазрин каад сагар / хэартэ хөвэн үүртэһэн харлав. / Салькн тагчг хойрла үүрлэд /

сээхн нутгуд өмнэн үзлэв. / Моңһл республик мөңк насад / мана Советтэ иньглсинь медлэв. // Зунын нег өдрин цолднь / зүүдн эдл йовдл учрла. / Нүүртэ-чирэтэ моңһл күүкн / нарн мет инэж ирлэ. / Күүкн хаврин дула татад / көвүдин зүрк йосндан авлв. / Моңһл республикэр байр кехэд / мана Совет орар дуулв. // Седкл, санань эмтсин ниилэд / солһтрад хаалһ герлэр асна. / Күүкн, энкр улсин иньглэн / кемтрхн уга гиж дуулна. / Мана теегин шин өслт / мөрдин гүүдл мет шулун. / Моңһл республикин, Совет орна / мөңк иньглэнь нарнас халун. // Тер моңһл күүкнэ дуунд / теркэ зүркм төвкнэд уга. / Түүнэс нааран Москва нанд / теегин хальмгта наран урһна. / Күн кевтэ салькн шимлдэд / күүкнэ ду дэжнэс сергнэ. / Моңһл республик улм цецгэрэд / мана Совет орта иньглнэ» [Хоньна М. 1974: 105–106].

Под названием «Нерушимая дружба» это стихотворение переведено на русский язык московским поэтом Марком Максимовым [Хонинов 1971: 18]. В русском переводе текст разделен на 8 катренов, сохранен в объеме — те же 32 строки, с рефреном о двух странах. Последующее изменение названия — «Монгольская песня» — обусловлено, на наш взгляд, подчеркиванием фольклорного жанра, а также сюжетным мотивом: песней монгольской девушки о дружбе двух стран [Хонинов 1981: 91–92].

Уже с первых строк в стихотворение входит монгольская тема в дружеском ракурсе: «Би иньглэни межэ деер / буута, моңһл цергчтэ зогслав» [Хоньна М. 1974: 105]. Смысловой перевод: «Я на дружественной границе стоял с ружьем рядом с монгольским воином». В русском переводе вводится безэквивалентная лексика: слово «цирик» (монг. *цериц*) — ‘рядовой воин’, подчеркивается также молодость пограничников (с юным цириком вдвоем). «Хол һазрин каад сагар / хээртэ хөвэн үүртэһэн харлав. / Салькн тагчг хойрла үүрлэд / сээхн нутгуд өмнэн үзлэв. / Моңһл республик мөңк насад / мана Советтэ иньглсинь медлэв» [Хоньна М. 1974: 105]. Смысловой перевод: «На дальней границе бдительно с другом охранял заветное счастье. Породнившись с тишиной и ветром, видел перед собой прекрасные страны. Знал, что Монгольская республика уже много лет породнилась со страной Советов». В русском переводе обозначены не только названия двух стран, но и упомянуты пограничные столбы с гербами, как отличительные особенности знаков

государственных границ: «Были с нами ветры вольные, / Гербы стран и тишина. / И республика Монголия, / И Советская страна» [Хонинов М. 1981: 91].

Мирная картина пограничной службы прерывается необыкновенным событием — появлением монгольской девушки на границе. «Зунын нег өдрин цолднь / зүүдн эдл йовдл учрла./ Нүүртэ-чирэтэ моңһл күүкн / нарн мет инэж ирлэ. / Күүкн хаврин дула татад / көвүдин зүрк йосндан авлв. / Моңһл республикэр байр кеһэд / мана Совет орар дуулв» [Хоньна М. 1974: 105–106]. Смысловой перевод: «Однажды летним днем случилось невероятное событие, подобное сновидению. Наяву появилась, смеясь, монгольская девушка, словно солнце. От нее повеяло весенним теплом, она захватила мужские сердца. Воздав хвалу Монгольской республике, она стала петь о Советской стране». В русском переводе начало содержания девичьей песни расширительно: «Вдруг, лучами солнца соткана, / Появилась, как во сне, / С песней девушка высокая / На монгольской стороне. // Пела девушка веселая / Про ковыль да про весну, / Про республику Монголию / И Советскую страну» [Хонинов М. 1981: 91].

Поэт подчеркивает в песне монголки дружественный аспект: «Седкл, санань эмтсин ниилэд / солһнтрад хаалһ герлэр асна. / Күүкн, энкр улсин иньглэн / кемтрхн уга гиж дуулна. / Мана теегин шин өслт / мөрдин гүүдл мет шулун. / Моңһл республикин, Совет орна / мөцк иньглэнь нарнас халун» [Хоньна М. 1974: 106]. Смысловой перевод: «Душа и мысли людей, объединившись, освещают дорогу светом радуги. Девушка поет о том, что дорогая народам дружба никогда не разрушится. Возрождение наших степей быстрое, как бег скакунов. Вечная дружба Монгольской республики и Советской страны жарче солнца». В русском переводе Максимов повторил рефрен государственных гербов, акцентировав свободный союз двух держав: «Пела девушка, что спаяны, / Как два герба на столбе, / Наши люди, наши чаянья, / Наше общее в судьбе. // Наши степи с вешней волею, / С вольным бегом табуна. / И республика Монголия, / И Советская страна» [Хонинов М. 1981: 91].

В заключительной строфе поэт переносится из прошлого, из далеких 1930-х гг., в настоящее — в начало 1970-х гг. «Тер моңһл күүкнэ дуунд / теркэ зүркм төвкнэд уга. / Түүнэс нааран Москва

нанд / теегин хальмгта нарар урһна. / Күн кевтэ салькн шимндэд /
күүкнэ ду дэknэс сергнэ. / Моңһл республик улм цецгэрэд / мана
Совет орта иньглнэ» [Хоньна М. 1974: 106]. Смысловой перевод: «С
тех пор мое сердце не может успокоиться от песни той монгольской
девушки. С той поры Москва для меня растет как будто под степным
калмыцким солнцем. Ветер словно шепчет мне, освежая в моей па-
мяти девичью песню. Монгольская республика расцветает в дружбе
с нашей Советской страной». В русском переводе: «С той поры со
мною то близкие, / То далекие края. / То весна моя калмыцкая, /
То московская моя. // Но повсюду ветры вольные / Шепчут песню
мне одну — / Про республику Монголию / И Советскую страну»
[Хонинов 1981: 91–92].

Автор создает ситуацию, невозможную для государственной
границы: пение неизвестной девушки, нарушающей военный по-
рядок. Такое художественное допущение необходимо М. Хонинову
для поэтического воспевания нерушимой дружбы двух стран. Юная
монголка предстает в тексте как олицетворение Монгольской На-
родной Республики. Как в своих стихотворениях 1960-х гг. о мон-
гольской женщине, так и здесь поэт соединяет прошлое, настоящее
и будущее двух стран.

В оригинале нет припева, в переводе М. Максимова две по-
следние строки образуют подобие припева своим рефреном о двух
странах. Стихотворение стало песней на музыку давнего соавтора
Михаила Грачева, ранее написавшего музыку к другим текстам
поэта.

Произведение структурировано анафорой разных видов. В пер-
вой строфе — это парная анафора. Во второй строфе две парные
анафоры сменяются сплошной анафорой: «Мана / мөрдин/ Моңһл/
мөнк». В третьей строфе наоборот: вначале дана сплошная анафора
(Тер/ теркэ/ Түүнэс/ теегин), затем — две парные анафоры (Күн/
күүкнэ/ Моңһл/ мана). Рифма в стихотворении перекрестная, как и в
стихотворениях «Моңһл бер», «Бүрнжирһл». Поэт использует срав-
нения, метафоры, фольклорный прием одушевления, жанр песни.
Как в стихотворениях о монгольской женщине 1960-х гг., вводится
топоним Москва: там название московской гостиницы и столицы,
здесь в значении столицы СССР. Включение в текст упоминаний о
калмыцких степях и калмыцком солнце маркирует родину автора.

Монгольская тема в творчестве Михаила Хонинова представлена также в обоюдных переводах. Первые переводы М. Хониновым стихотворений монгольских поэтов были сделаны в конце 1950-х гг., когда калмыцкий народ вернулся из ссылки, затем в середине 1960-х гг. Среди авторов Дожоо Дорж и Далатайн Тарва. М. Хонинов перевел несколько стихотворений Д. Доржа («Көркхн күүкн», «Хар далад», «Мини күцл», «Днепр холар») и Д. Тарвы («Уулас өндр», «Өрүн») [Иньгин дун 2014: 62–63]. Все эти переводы были опубликованы вначале в газете «Хальмг үнн», в альманахе «Теегин герл», затем вошли в сборник калмыцких переводов монгольской поэзии [«Мөңк заль» 1967: 53–56, 92–93].

На монгольский язык в 1964 г. Цэндийн Дамдинсурэном были переведены стихотворение М. Хонинова «Бүрнжирһл» ('Бүрэн Жаргал'), маленькая поэма «Арслц» ('Арслан') [Хонины М. 1964: 119–123], в 1968 г. — стихотворение «Би бичкн күүкдт дуртав» ('Люблю я маленьких детей') [Хонины М. 1968: 3].

В 1972 г. Союз монгольских писателей наградил М. Хонинова Почетной грамотой:

«Хүндэт нөхөр Михаил Хонинов Танаа!

Монголын ардын хувьсгалын яруу алдарт 50 жилийн ойд зориулан Зөвлөлтийн Зохиолчдын Эвлэл, Монголын Зохиолчдын Хороо хамтран хэвлүүлсэн уран зохиол, түүх-нийтлэлийн „Ах дүүгийн барилдалгааны ном“ бүтээхэд идэвхтэй оролцсон явдалд гүн талархал илэрхийлж, коммунизмын төлөө ажил үйлс, уран бүтээлд тань их амжилт хүсэн ерөөе.

Монголын Зохиолчдын Хороо.

УлаанБаатар. 1972 он».

В русском переводе С. Н. Цеденовой:

«Уважаемый Михаил Хонинов! Выражаем Вам глубокую благодарность за активное участие в подготовке „Книги братской борьбы“, изданную совместно Союзом советских писателей и Союзом писателей Монголии, посвященную 50-летию победы Монгольской народной революции, и желаем творческих и трудовых успехов в деле коммунизма.

Союз писателей Монголии.

Улан-Батор. 1972 год».

Несмотря на то, что монгольская тема в творчестве калмыцкого писателя Михаила Хонинова занимает небольшое место по сравнению, например, с белорусской темой, можно заключить, что она — не проходная на его литературном пути. Это подтверждают как родственные корни братских народов, биография писателя, служившего в Забайкальском военном округе в 1939–1941 гг., участие его старшего брата Лиджи в боях против японских захватчиков на монгольской земле, ранние армейские стихи М. Хонинова о пограничном периоде, два стихотворения 1960-х гг. — «Моңһл бер» ('Монгольская женщина'), «Бүрнжирһл» ('Бюрнджиргал'), стихотворение начала 1970-х гг. «Кемтршго иньглән» ('Нерушимая дружба'), так и взаимные переводы 1950–1960-х гг.

Источники / Sources

- Иньгин дун 2014 — Иньгин дун. Антология современной монгольской литературы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 228 с. [*In'gin dun. Antologiya sovremennoy mongol'skoy literatury* [The Song of the Beloved. Antology of modern Mongolian literature]. Elista: Kalm. State Univ., 2014. 228 p. (In Rus. and Mong.)]
- Мөңк заль 1967 — Мөңк заль: моңһл бичэчнрин үүдэврмүдэс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. 192 с. [*Möŋk zal': moŋyl bichächnrin üüdävr мүдäs* [The Eternal Flame: excerpts from works of Mongolian writers]. Elista: Kalm. Book Publ., 1967. (In Kalm.)]
- Сусен 1984 — *Сусен А. Моңһлын магтал* // Сусен А. Зүркнэ дун: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1984. X. 33–58. [Susen A. The Praise of Mongolia. *Zürknэ dun* [The Song of the Heart]. Coll. poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1984. Pp. 33–58. (In Kalm.)]
- Тачиев 1983 — *Тачиев А. Дружба* // Тачиев А. Э. Звезда Эрдни: стихи и поэмы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 57–80. [Tachiev A. The Friendship. *Zvezda Erdni* [The Star of Erdni]. Coll. poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1983. Pp. 57–80. (In Rus.)]
- Тачиев 1976 — *Тачиев А. Халхин-Гол* // Тачиев А. Э. Родной курган: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. С. 24–25. [Tachiev A. The Klalkhyn Gol. *Rodnoy kurgan* [(My) Dear Mound]. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. Pp. 24–25. (In Rus.)]
- Тачиев 1982 — *Тачин А. Иньгллт* // Тачин А. Мини тулг: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1982. X. 105–115. [Tachin A. The Friendship. *Mini tulg* [My Stronghold]. Coll. poems. Elst: Kalm. Book Publ., 1982. Pp. 105–115. (In Kalm.)]

- Тачиев 1970 — *Тачин А.* Халхин хол // Тачин А. Төрскн өөдм дээрэс: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр *harhach*, 1970. X. 40–41. [Tachin A. The Klalkhyn Gol. *Törskn öödm deeräs* [(Looking) From the Top of My Dear Mound]. Poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. Pp. 40–41. (In Kalm.)]
- Хонинов 1971 — *Хонинов М.* Нерушимая дружба // Огонек. 1971. № 28. С. 18. [Khoninov M. Nerushimaya druzhba // Ogonek. 1971. № 28. S. 18.]
- Хонинов 1981 — *Хонинов М.* Нерушимая дружба // Хонинов М. В. Орлица: стихи и поэмы. М.: Современник, 1981. С. 91–92. [Khoninov M. The Unbreakable Friendship. *Orlitsa* [The Eagless]. Coll. poems. Moscow: Sovremennik, 1981. Pp. 91–92. (In Rus.)]
- Хонинов 1977 — *Хонинов М. В.* Помнишь, земля Смоленская... М.: Воениздат, 1977. 318 с. [Khoninov M. V. *Pomnish', zemlya Smolenskaya...* [You Remember, (My) Dear Land of Smolensk...]. Moscow: Voenizdat, 1977. 318 p. (In Rus.)]
- Хонины 1968 — *Хонины М.* Би бачачууд хүүхдэд хайртай // Үнэн. 1968. Хордугаар сарын 18. X. 3. [Khoniny M. I Love Children. *Ünen*. 1968. February 18. P. 3. (In Mong.)]
- Хонины 1964 — *Хонины М.* Бүрэн Жаргал; Арслан // Зүрхний дуулал. (Халимаг яруу найргийн цоморлиг). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1964. X. 119–123. [Khoniny M. Büren Zhargal; Arslan (personal names). *Zürkhniy duulal* (Kalmyk poetry). Ulaanbaatar: State Print. Committee, 1964. Pp. 119–123. (In Mong.)]
- Хоньна 1939г — *Хоньна М.* Иньгүдин дурн // Улан туг. 1939. № 9–10. X. 43. [Khonina M. Love of the Beloved. *Ulan tug*. 1939. No. 9–10. P. 43. (In Kalm.)]
- Хоньна 1939б — *Хоньна М.* «Ахта-дүүтэһэн...» // Улан баһчуд. 1939. Ноябрьн 27. X. 2. [Khonina M. ‘With My Elders and Juniors ...’. *Ulan baychud*. 1939b. November 27. P. 2. (In Kalm.)]
- Хоньна 1938 — *Хоньна М.* Ахдан // Ленинэ ачнр. 1938. Декабрин 5. X. 4. [Khonina M. To My Elder Brother. *Leninä achnr*. 1938. December 5. P. 4. (In Kalm.)]
- Хоньна 1964 — *Хоньна М.* Бүрнжирһл // Хоньна М. Мини домбр күңкнхлэ: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр *harhach*, 1964. X. 52–54. [Khonina M. Bürn Jiryl. *Mini dombr күңкнхлэ* [When My Dombra Plays]. Coll. poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1964. Pp. 52–54. (In Kalm.)]
- Хоньна 1974 — *Хоньна М.* Кемтршго иньглэн // Хоньна М. Эцкин назр: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр *harhach*, 1974. С. 105–106. [Khonina M. The Unbreakable Friendship. *Etskin yazr* [My Fatherland]. Coll. poems. Elista: Kalm. Book Publ., 1974. Pp. 105–106. (In Kalm.)]

- Хоньна 1940б — *Хоньна М.* Мини бичг // Улан баһчуд. 1940б. Декабрин 22. X. 4. [Khonina M. My Letter. *Ulan baychud*. 1940b. December 22. P. 4. (In Kalm.)]
- Хоньна 1962 — *Хоньна М.* Моңһл бер // Хальмг үнн. 1962. Мартын 23. X. 4. [Khonina M. The Mongolian Daughter-in-Law. *Khal'mg ünn*. 1962. March 23. P. 4. (In Kalm.)]
- Хоньна 1939а — *Хоньна М.* Орн-нутган харс! // Улан баһчуд. 1939а. Ноябрьрин 27. X. 2. [Khonina M. Defend Your Motherland! *Ulan baychud*. 1939a. November 27. P. 2. (In Kalm.)]
- Хоньна 1940а — *Хоньна М.* Пограничник // Улан туг. 1940а. № 7. X. 32. [Khonina M. The Frontier Guard. *Ulan tug*. 1940a. No. 7. P. 32. (In Kalm.)]
- Хоньна 1974 — Хоньна М. Чи медхмч, Смоленскин назр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 273 х. [Khonina M. *Chi medkhmch, Smolenskin yazr* [You Remember, (My) Dear Land of Smolensk...]. Elista: Kalm. Book Publ., 1974. 273 p. (In Kalm.)]
- Хоньна 1939в — *Хоньна М.* Чи тедниг дурá // Улан баһчуд. 1939. Декабрин 1. X. 4. [Khonina M. You Love Them. *Ulan baychud*. 1939v. December 1. P. 4. (In Kalm.)]

Литература / References

- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* Михаил Хонинов: автобиография на фоне эпохи. Часть первая. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 222 с. [Khaninova R. M. *Mikhail Khoninov: avtobiografiya na fone epokhi* [Mikhail Khoninov: autobiography in the context of his era]. Part One. Elista: Kalm. State Univ., 2015. 222 p. (In Rus.)]
- Ханинова 2017а — *Ханинова Р. М.* Михаил Хонинов: автобиография на фоне эпохи. Часть вторая. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 160 с. [Khaninova R. M. *Mikhail Khoninov: avtobiografiya na fone epokhi* . [Mikhail Khoninov: autobiography in the context of his era]. Part Two. Elista: Kalm. State Univ., 2017a. 160 p. (In Rus.)]
- Ханинова 2015б — *Ханинова Р. М.* Лирика Михаила Хонинова 1937–1938 гг. // Центр и периферия. 2017. № 3. С. 105–110. [Khaninova R. M. Mikhail Khoninov's lyrics: 1937–1938. *Tsentr i periferiya*. 2017b. No. 3. Pp. 105–110. (In Rus.)]
- Цеденова 2017 — *Цеденова С. Н.* Монгольская тема в творчестве А. Сусеева // Россия — Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы. Улан-Батор: Институт истории и археологии Монгольской Академии наук, 2017. С. 211–217. [Tsedenova S. N. The Mongolian theme in A. Suseev's works. *Rossiya — Mongoliya: istoriya, vyzovy XXI veka, perspektivy*. Ulaanbaatar: Inst. of History and Archaeology (Mong. Acad. of Sc.), 2017. Pp. 211–217. (In Rus.)]

Цеденова 2015 — *Цеденова С. Н.* О взаимосвязях монгольской и калмыцкой литератур // *Mongolica* – XV. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 80–82. [Tsedenova S. N. Mongolian and Kalmyk literatures: mutual ties revisited. *Mongolica* – XV. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2015. Pp. 80–82. (In Rus.)]